

УДК 811.112.2'42

**ПОНЯТИЯ «ЗНАЧЕНИЕ» И «СМЫСЛ»
 В ПРАГМАЛИНГВИСТИКЕ**
Л.Р. Безуглая, доктор филол. наук (Харьков)

Л.Р. Безуглая. Понятия «значение» и «смысл» в прагмалингвистике. В статье систематизируются трактовки понятий «значение» и «смысл» в лингвистике. Делается вывод, что прагмалингвистика изучает смыслы высказываний и речевых актов. Речеактовый смысл может быть выражен эксплицитно и имплицитно. Имплицитные речеактовые смыслы представлены конвенционализированными и имплицитивными.

Ключевые слова: значение, имплицитный, прагмалингвистика, речевой акт, смысл.

Л.Р. Безугла. Поняття «значення» і «смысл» у прагмалінгвістиці. У статті систематизуються тлумачення понять «значення» і «смысл» у лінгвістиці. Робиться висновок, що прагмалінгвістика вивчає смисли висловлень і мовленнєвих актів. Мовленнєвоактовий смисл може бути вираженим експліцитно й імпліцитно. Імпліцитні мовленнєвоактові смисли розподіляються на конвенціоналізовані й імплікативні.

Ключові слова: значення, імпліцитний, прагмалінгвістика, мовленнєвий акт, смисл.

Bezugla L.R. “Meaning” and “sense” in linguistic pragmatics. This paper systematizes various interpretations of the concepts “meaning” and “sense” in linguistic pragmatics. I argue that linguistic pragmatics deals with senses of utterances and speech acts. The speech act sense can be expressed explicitly and implicitly. Implicit speech act senses are divided into conventionalized and implicative ones.

Key words: implicit, linguistic pragmatics, meaning, sense, speech act.

Значение (*meaning, Bedeutung*) принадлежит к основополагающим понятиям языкознания, вызывающим полемику и постоянно находящимися в центре внимания исследователей. В работах, посвященных «значению ‘значения’» [Звегинцев 1962; Лайонз 2003: 19ff, 55ff], подчеркивается разнообразие толкований, приписываемых термину ‘значение’, что зависит от исходных теоретических позиций и методологии анализа. В.А. Звегинцев [1962: 10] назвал разработку проблемы значения «борьбой за значение», имея в виду только структуралистские точки зрения. В связи со становлением

антропоцентрической методологии расхождения в трактовках еще более усугубились.

Особую значимость данное понятие приобретает в прагмалингвистике. Явившись продолжением семантики, прагматика поставила вопросы о месте значения языкового знака в коммуникации, о типах значений, о соотношении понятий 'значение' и 'смысл', о роли конвенции в формировании значения. Решение этих вопросов сопряжено с преодолением разночтений и разногласий.

В настоящей статье рассматриваются такие дихотомии, как 'объективистская vs. когнитивистская трактовка значения', 'значение vs. смысл', 'лексическое vs. синтаксическое значение', 'семантическое vs. прагматическое значение'. На основе этих дихотомий представляется классификация речеактовых смыслов по критерию эксплицитности / имплицитности их языкового выражения.

1. Объективистская vs. когнитивистская трактовка значения.

Все теории значения в соответствии с методологическим подходом можно разделить на две группы: объективистские теории [Frege 1980; Searle 1986; Wunderlich 1991 и др.] и когнитивистские теории [Bierwisch 1979; Langacker 1987; Лакофф 2004 и др.]. Если объективисты рассматривают значение как находящееся «вне нас в мире», то когнитивисты считают, что «интерпретация высказывания, т.е. его значение, находится в уме» [Ченки 1996: 68]. По словам Дж. Лакоффа, в объективистской семантике «значение определяется в терминах способности символов соответствовать объективному миру прямо, без какого-либо опосредующего человеческого понимания, которое выходило бы за пределы или не согласовывалось бы с тем, что в полном смысле вне нас» [Лакофф 2004: 173], в то время как в когнитивной семантике «значение это то, что является значимым для мыслящего и функционирующего существа» [там же: 9].

На современном этапе развития лингвистики, когда когнитивно-дискурсивная переориентация обуславливает процесс 'когнитивизации' лингвистической методологии, значение понимается как результат конструирования структуры мира коммуникантами в виде ментальной репрезентации [Vanparys 1996: 109], как когнитивная структура, включенная в модели знания и мнения [Болдырев 2001: 58].

Будучи когнитивной структурой, значение языкового знака отражает те конвенции, которые стоят за ним и обуславливают выбор коммуникантами этого знака для выражения своих концептов, пропозиций, интенций. А.В. Кравченко пишет в этой связи: «В когнитивной парадигме языкового анализа <...> процесс адекватного истолкования языкового знака (понимание в обычном смысле слова) есть, по сути, процесс возможно наиболее точного исчисления оснований, которые побуждают говорящего выбрать этот знак для репрезентации концепта. «Чем менее точно определены эти основания, тем больше вероятность расхождения между “значением” знака и его “смыслом”» [Кравченко 1999: 10]. И значение, и смысл, таким образом, приписываются

когнитивистами употреблению языковых единиц в речи. Однако когнитивная трактовка значения не снимает разграничения ‘значение – смысл’.

2. Значение vs. смысл.

Проблема значения и смысла состоит уже в том, что одни лингвисты признают ее значимость, другие (большой частью, зарубежные) – обходят ее. Так, Н.Ф. Алефиренко [2005: 69] относит значение и смысл как основополагающие категории семантики «к “вечным” проблемам не только семасиологии – дисциплины лингвистической, но и таких наук, как когнитология, психосемантика, этнолингвистика, лингвокультурология и др.», а Н.Н. Болдырев [2001: 39] называет различие между значением и смыслом признаваемым всеми, канонизированным. В отечественных работах эти понятия, как правило, разграничиваются, однако иногда употребляются синонимично, что обусловлено их взаимозаменяемостью в разговорном языке [Никитин 1988: 38]. Однако в англоязычной литературе встречаем только термин ‘значение’ (*meaning*), а в немецкоязычной – большей частью ‘значение’ (*Bedeutung*) либо противопоставление ‘значение – смысл’ (*Bedeutung – Sinn*), восходящее к Г. Фреге [Frege 1980].

В целом, под значением в лингвистике подразумевается объективное содержание, а под смыслом – содержание, связанное с индивидуальной интерпретацией значения: «значение – внутри языка, смысл – вне языка» как взаимозависимые сущности [Звегинцев 2001: 176], как постоянная и переменная категории [Алефиренко 2005: 77]. Существующие взгляды на дихотомию ‘значение – смысл’ можно разделить на **три группы**:

- значение как эксплицитно выраженное содержание, а смысл – как имплицитно выраженное [Дементьев 2006: 50; Жаналина 1996; Панина 1979; Сильман 1969; Wagner F. 2001: 49].
- смысл как интенциональный компонент значения [Алефиренко 2005: 76ff; Звегинцев 2001: 169ff; Кравец 2001; Никитин 1988; Падучева 2002: 16; Becker 1988: 123ff];
- значение как вербализованный в речи смысл [Богин 1986; Зимняя 1985: 77f; Кобозева 2007: 357; Кравченко 2003: 35; Леонтьев А.А. 2003: 162; Леонтьев А.Н. 1981: 297ff; Тарасов 1979: 78ff].

Первая группа концепций, согласно которым «смысл – только невербализованная часть понятийного содержания, концептуальная информация, не имеющая языкового воплощения» [Жаналина 1996: 15], «несемiotическая (индивидуализированная и неконвенционализированная) информация», т.е. имплицитная информация, в отличие от «семiotической информации, за которой стоит система» [Дементьев 2006: 138], близка к обиходному пониманию слова ‘смысл’ и не учитывает разграничения конвенционального и неконвенционального компонентов в имплицитном содержании.

Второе понимание базируется на введенной в логическую семантику Р. Карнапом [Carnap 1972] дихотомии ‘экстенционал – интенционал’, где под

экстенционалом понимают множество возможных референтов/денотатов знака, под интенционалом – способ представления референта/денотата, общие признаки класса вещей, обозначаемых референтом/денотатом (десигнат, сигнификат) [Арутюнова 2005: 25; Никитин 1988: 27; Падучева 2002: 12, 16; Сусов 1990].

Понимание смысла как интенционального компонента значения имеет корни в учении Г. Фреге [Frege 1980] о смысле и значении (*Sinn und Bedeutung*). Данные понятия рассматриваются в направлении ‘от значения к смыслу’, т.е. исходным понятием является ‘значение’, которое предстает в речи в виде ‘смысла’. Г. Фреге иллюстрирует это на примере значения *Venus* (*Der ‘Venus’ genannte Planet*), которое может реализоваться в речи в виде смыслов *Abendstern*, *Morgenstern* и т.п. [там же: 41].

В этих концепциях термин ‘значение’ имеет широкое и узкое понимание. Значение в широком смысле включает в качестве составляющих значение в узком смысле (экстенциональный компонент) и смысл (интенциональный компонент). Таким образом, смысл – это разновидность значения (в широком смысле), поэтому термин ‘смысл’ может заменяться термином ‘значение’, но не наоборот (ср. идею Дж. Лакоффа о “метонимическом”, “заместительном” мышлении в лингвистике [Лакофф 2004: 29]). Объективистский характер этой трактовки подчеркивают современные философы: «Фреге трактует смыслы как не менее объективные по сравнению с денотатами. Объективизация истинностных значений предложений тесно связывается им с объективизацией смыслов предложений – мыслей» [Бессонов 1990: 27].

Согласно **третьей** группе концепций, «значение является только камнем в здании смысла» [Выготский 1982: 347]. Такая трактовка подчеркивает ментальные корни смысла и поэтому соответствует когнитивистской методологии. По словам А.А. Леонтьева, смысл представляет собой «отражение фрагмента действительности в сознании сквозь призму того места, которое этот фрагмент действительности занимает в деятельности данного субъекта. Понятие смысла шире понятия значения, так как помимо “объективных” особенностей структуры деятельности, зависящих от предметно-ситуативной детерминации этой деятельности, есть “субъективные” особенности, детерминированные психологической спецификой самой этой деятельности» [Леонтьев А.А. 2003: 162].

Направление рассмотрения в концепциях третьей группы можно определить как ‘от смысла к значению’: смысл выражается при помощи значения языкового знака и всевозможных видов неязыкового содержания, поэтому значение – это конструктивный элемент смысла. Эта связь особенно наглядно проявляется в герменевтической концепции понимания текста Г.И. Богина: «Понимание значений еще не есть понимание смыслов», но оно есть предпосылка для него, ибо «значение – мостик между знаком и смыслом» [Богин 1986: 42]. Если значение – элемент смысла, то термин ‘значение’ может заменяться термином ‘смысл’, но не наоборот: «смысл выражается в значениях

(как мотив в целях), а не значение в смыслах» [Леонтьев А.Н. 1981: 301]. Как видим, соотношение терминов прямо противоположно первой трактовке.

На наш взгляд, эти две трактовки не исключают друг друга, а демонстрируют взаимосвязь значения и смысла: «Значение *X-a* – это информация, связываемая с *X-ом* по общественному установлению согласно общепринятым правилам использования *X-a* в качестве средства передачи информации. Смысл *X-a* для *Y-a* в *T* – это информация, связываемая с *X-ом* в сознании *Y-a* в период времени *T*, когда *Y* производит или воспринимает *X* в качестве средства передачи информации» [Кобозева 1991: 186]. Смысл основывается на актуализации в речи значения языковой единицы, которое, в свою очередь, возникает на основе определенного смысла как его потенциальный выразитель. В речи постоянно происходит процесс актуализации языковых значений в виде смыслов – по Ш. Балли, “функция актуализации состоит в переведении языка в речь” [Балли 1955: 93]. С другой стороны, смыслы существуют в виде ментальных репрезентаций говорящих и по социальной договоренности закрепляются за словами или предложениями в качестве значений.

3. Лексическое vs. синтаксическое значение.

Данная дихотомия основана на критерии способа языкового выражения значения, на «уровневой природе выражающей его языковой единицы» – слова или предложения [Никитин 1988: 40].

С точки зрения объективистских концепций, и на лексическом, и на синтаксическом уровне проявляется разделение значения на собственно значение (денотат, эктенсионал) и смысл (сигнификат, десигнат, интенционал) [Арутюнова 2005: 25]. Денотацию/референцию предложения составляет его истинностное значение, а смысл предложения определяет пропозиция – семантическая структура предложения, т.е. такое его содержание, которое выражается в языке предикатной группой [Арутюнова 2005: 28, 37; Падучева 2002: 36].

Связь между смыслом и пропозицией прослеживается в концепции Г. Вайнриха, который называет пропозицию представлением (*Meinung*), подчеркивая ее когнитивную сущность: «Предложение – это мост между значением и представлением. Предложение вместе с дальнейшим контекстом и окружающей ситуацией ограничивает (растянутое, неопределенное, социальное, абстрактное) значение до (ограниченного, точного, индивидуального, конкретного) представления» [Вайнрих 1987: 53]. Смысл по Г. Вайнриху – это «результат сложения значений и вычитания детерминаций», т.е. нерелевантных в ситуации употребления признаков значения; «контекст создает свое представление из значения слова. Он как бы вырезает из широкого значения куски, которые не связаны с соседними значениями в предложении. То, что остается после всех отсечений, и есть представление» [там же: 54], т.е. смысл.

Речь идет о коммуникативном смысле, понимаемом как «отношение, соединение слов, при котором создается понятийно не противоречащее действительности взаимоотношение значений» [Зимняя 1985: 77f]. Безусловно, было бы ошибочным полагать, что смысл высказывания слагается из языковых значений слов, это вовсе не арифметическая сумма языковых значений. Значение предложения – это уже некий элементарный смысл, поскольку значения слов во взаимодействии друг с другом могут быть только сигнификативными. Тем более является смыслом значение высказывания – продукта речевого акта как единицы речевой деятельности. Будучи конструируемым коммуникантами в процессе вербального общения, смысл высказывания неотрывен от этого процесса, поэтому ему как нельзя более подходит название ‘коммуникативный смысл’.

В этой связи возникает вопрос о том, что считать главным при формировании коммуникативного смысла: значение слова или значение предложения? Возможны три ответа на этот вопрос: в пользу слова, в пользу предложения и в пользу употребления слов в предложении [Preyer 1997: 74]. Последний ответ, имеющий дискурсивно ориентированный характер, соответствует современной когнитивно-коммуникативной парадигме лингвистики. Хотя элементарной единицей смысла является слово, «смысл является сложно организованной системой, и он не сводится к простой сумме исходных слов» [Кравец 2001: 23]. А.С. Кравец представляет модель структуры смысла в виде «хитрой» топологии листа Мебиуса – односторонней поверхности, не имеющей ни низа, ни верха. Если на длинном листе бумаги написать сверху открытое множество высказываний, а снизу – все слова из системы языка, и образовать из этой полоски лист Мебиуса, то получается топологическая модель самопорождающейся системы смысла: «Все высказывания в такой модели формируются из слов, а смысл слов образуется в высказываниях. Действительно, начав кругообращение с “верхней” точки, мы двигаемся от высказываний к словам, т.е. приходим к семантически свернутому в слове смыслу, а, продолжая движение по кругу, мы вновь приходим к высказываниям, составленным из слов» [там же: 24].

Языковая природа значения и коммуникативная природа смысла подчеркивается Н.Ф. Алифиренко: под языковым значением он понимает «вербализованный продукт отражения действительности в сознании человека: исторически и социально закрепленная связь между акустическим образом слова и образом наименованного объекта (предмета, действия, признака)», под речевым смыслом – «лично ориентированное преломление системного значения в языковом сознании общающихся» [Алифиренко 2005: 86].

Для обозначения процесса отражения действительности в сознании человека в когнитивной лингвистике применяется термин ‘конструирование’ (*construal*), под которым понимается ментальный процесс создания коммуникантами значений и смыслов. Этот процесс включает в себя осмысление ими, во-первых, определенного дискурсивного контекста и,

во-вторых, языковых средств, выбранных говорящим для отражения этого контекста [Croft, Cruse 2004: 19; Langacker 1987: 488].

Таким образом, **значение** слова / предложения определяем как вербализованный продукт конструирования структуры мира коммуникантами, который отражает исторически и социально закреплённую связь между акустическим образом слова / предложения и образом наименованного объекта (предмета, действия, признака).

Смысл слова / предложения / высказывания / речевого акта определяем как вербализованный продукт конструирования структуры мира коммуникантами, который образуется в речи в результате актуализации значения.

Актуализация значения в виде смысла совпадает с актом референции, «когда совершается переход от обобщённой (потенциальной) семантики конвенциональной модели языковой системы к конкретной речевой» [Минкин, Шевченко 2005: 5].

4. Семантическое vs. прагматическое значение.

В прагмалингвистике разграничиваются нередко встречается противопоставление семантического и прагматического значения.

Под прагматическим значением понимается:

- дискурсивная импликатура [Schwarz, Chur 1996: 29];
- проявление субъективного, оценочно-эмоционального отношения говорящего к предмету когнитивного (денотативного) значения [Никитин 1996: 616];
- иллокутивная функция языковой единицы в определенном речевом акте [Козловский 2008; Лайонз 2003: 58ff; Becker 1988: 195; Hermanns 1985: 41; Wagner F. 2001: 55];
- речеактовое, интендируемое значение [Никитин 1988: 137; Bierwisch 1979; Grice 1993a; Grice 1993b; Müller 2003: 102; Wunderlich 1977: 243].

Первые две трактовки не охватывают всех случаев значений, отличных от денотативных, – например, вопроса, побуждения.

Третья трактовка основывается на разграничении семантического и прагматического значения (иначе – дескриптивного, пропозиционального, когнитивного, референциального и недескриптивного, непропозиционального, межличностного, экспрессивного, конативного, субъективного или значения говорящего [Лайонз 2003: 58ff]) либо синтаксического и коммуникативного значения [Алефиренко 2005: 282]). Семантическое значение касается отношений между формой («в виде лексемы, словоформы, словосочетания, грамматической конструкции» [Козловский 2008: 323]) и объективной реальностью. Прагматическое значение отражает отношения между языковой единицей и человеком, который использует ее в дискурсе. Эта дихотомия соответствует дихотомии ‘семантика’ vs. ‘прагматика’ и отражает развитие лингвистической мысли от значения суждений и предложений в логической семантике к значению высказывания и речевого акта в прагматике.

По словам Д. Вундерлиха, теория речевых актов, инициировавшая развитие прагмалингвистики, явилась «распространением теории значения на естественный язык» [Wunderlich 1977: 243], поэтому прагматическое значение называют еще и иллокутивным – по основному компоненту речевого акта.

Думается, однако, что более корректно говорить не о прагматическом значении, а о прагматическом смысле, поскольку в свете вышеизложенного речеактовым может быть только смысл. Зарубежные исследователи по англосаксонской традиции употребляют термин ‘значение’ (*meaning / Bedeutung*), и лишь немногие говорят о пропозициональном и прагматическом смысле (например, [Becker 1988: 195]). Говоря о глаголе *to mean* в связи с многозначностью термина *meaning*, П. Сгалл пишет, что «этот глагол сам имеет несколько значений, а его соответствия в других языках часто не покрывают всех его свойств и употреблений» [Sgall 1980: 233].

Как известно, речевой акт рассматривается как трехкомпонентное действие, состоящее из локутивного, иллокутивного и перлокутивного актов, поэтому целый ряд лингвистов употребляют термины ‘пропозициональное, иллокутивное, перлокутивное значение’, игнорируя традиционные термины ‘иллокутивная сила’ и ‘перлокутивный эффект’ [Дементьев 2006: 19; Минкин, Шевченко 2005; Цурикова 2006: 9; Becker 1988: 259; Müller 2003; Wagner K. 2001]. Объяснение этому немецкие ученые видят в некорректном переводе термина Дж.Л. Остина *force* [Burkhardt 1987: 195; Hermanns 1985; Wagner F. 2001: 61].

По мнению Ф. Германнса [Hermanns 1985], проанализировавшего терминологическое наполнение теории речевых актов Дж.Л. Остина и Дж.Р. Серля, при переводе работ классиков были допущены роковые вольности: под термином *force* Остин имел в виду вовсе не какую-то «магическую силу» (предмет иронии Ф. Германнса), а значение, вид значения, смысл (*meaning, import, importance*): «С достаточной ясностью там (в словаре “Concise Oxford Dictionary” – Л.Б.) в качестве значения „force“ под номером 6 написано: “Real import, precise meaning (“what is the force of “but” here?)” [там же: 39]. По данным словаря, “import“ означает “What is implied, meaning, importance“.

Таким образом, “import“ и вместе с ним “force“ имеет то же самое двойное значение, как и немецкое “Bedeutung“ (‘значение’ – Л.Б.), что тоже может означать “meaning“ и “importance“. Очевидно, именно это имел в виду Остин, когда искал альтернативу к “meaning“» [Hermanns 1985: 40]. По мнению Ф. Германнса, Дж.Л. Остин открыл нечто отличное от семантической трактовки значения, а именно прагматическое (иллокутивное) значение [op.cit: 41]: «я хочу различать *силу* и значение в смысле, в котором значение эквивалентно смыслу и референции, так же как стало существенным различие смысла и референции» [Austin 1962: 100, выделено в оригинале].

Э. Рольф высказывает иную точку зрения: хотя «то, что пытается обозначить Остин, в действительности является аспектом общего значения или

смысла» [Rolf 1994: 8], существует две причины того, что, употребляя термин *force*, Остин имел в виду не ‘значение’, а именно ‘силу’. Во-первых, он следовал Г. Фреге, говорившему об ‘утвердительной силе’ (*behauptende Kraft*) предложения; во-вторых, по мнению Э. Рольфа, высказываниям может быть присуща сила, поскольку они способны оказывать воздействие [там же].

Последний довод представляется не вполне правомерным, поскольку воздействие относится к перлокутивному компоненту речевого акта, а силой Дж.Л. Остин назвал иллокутивный смысл, но не перлокутивный. Первый довод Э. Рольфа вполне приемлем с учетом того факта, что Дж. Остин переводил работы Г. Фреге на английский язык. Тем не менее, можно предположить, что и Г. Фреге хотел подчеркнуть этим термином отличие этого типа смысла от смысла пропозиционального.

Полагаем, что речевые акты (и высказывания, с помощью которых они реализуются), обладают не значениями, а смыслами. Речеактовый смысл складывается из пропозиционального, иллокутивного и перлокутивного смыслов. М.В. Никитин, сделавший картограммный анализ терминов ‘meaning – sense’, ‘Bedeutung – Sinn’, ‘значение – смысл’, пришел к выводу, что и значение, и смысл “являются прагматическими оценками с той разницей, что <...> значение – оценка любых положений дел <...>, а смысл – оценка волевых, намеренных, целенаправленных действий, усилий относительно того, насколько они обеспечивают осуществление тех задумок, целей и интересов, ради которых они прикладываются» [Никитин 1996: 400]. Из этого положения вытекает, что смысл присущ в первую очередь речевым актам, которые являются намеренными, целенаправленными, интенциональными действиями. Смысл в таком понимании совпадает с прагматическим значением в широком смысле в духе Г.П. Грайса (**последняя**, наиболее широкая, трактовка).

Прагматические теории значения (Дж.Л. Остин, Дж.Р. Серль, Г.П. Грайс, М. Бирвиш) позволяют анализировать все высказывания (в т.ч. просьбы, вопросы и т.п.), тогда как популярные до Дж.Л. Остина семантические теории значения ограничивались суждением в форме повествовательного предложения, т.к. только им может быть предписана истинностное значение (*Wahrheitswert*).

Теория Г.П. Грайса рассматривает ‘значение *NN*’ (*meaning NN – nonnatural meaning*) – ‘прагматическое значение’, ‘субъективное значение’ или ‘значение говорящего’ [Grice 1993a; Grice 1993b]. Подчеркнем, что понятия ‘субъективное’ и ‘объективное’, по А.А. Залевской, «не противопоставляются в том смысле, что одно из них связано с чем-то ущербным, а другое – единственно правильное: речь идет о 1) принадлежащем субъекту и 2) принадлежащем окружающему миру» [Залевская 2005: 395f].

‘Неестественность’ этого значения состоит в том, что, в отличие от так называемого ‘естественного’ значения (*natural meaning*) естественных знаков (сыпь означает корь, дым означает огонь и т.п.), *meaning NN* связано с тем, что вкладывают в него говорящие субъекты, т.е. со смыслом речевого акта

или невербального действия (крик утопающего означает, что ему нужна помощь, покачивание головой означает несогласие и т.п.). Различие между естественным и прагматическим значением заключается в противопоставлении каузальной обусловленности явлений и интенциональным поведением человека: «эти различия между намеренным и ненамеренным, с одной стороны, и между тем, что естественно, и тем, что конвенционально <...> с другой стороны, с давних пор играли и продолжают играть центральную роль в теоретическом исследовании значения» [Лайонз 2003: 19].

Иначе говоря, Г.П. Грайс разграничил естественное и прагматическое значение и вывел из числа знаков интексы / симптомы, рассматриваемые в семиотике Пирса наряду с иконами и символами (ср. разграничение М.В. Никитиным [Никитин 1996: 26] по характеру связи между означающим и означаемым импликационного и знакового значения, которые соответствуют естественному и прагматическому значению Грайса).

Сущность идеи Г.П. Грайса – смещение значения из объективной реальности в сознание говорящего субъекта. В то время как в объективистской семантике значение рассматривается как нечто, определяемое объективной реальностью и базирующееся на референции и истинности, «в теории Грайса произошла смена деятельностного “субъекта значения”: если в бихевиористской психологии роль стимула (или каузатора) придавалась самому значению, то Грайс отдал ее говорящему» [Арутюнова, Падучева 1985: 13].

Г.П. Грайс определил понятие прагматического значения в терминах коммуникативной **интенции**: «‘*S* имеет нечто в виду, произнося *x*, (приблизительно) эквивалентно тому, что ‘*S* намеревается высказыванием *x* произвести определенное воздействие на слушающего посредством распознавания им этого намерения’» [Grice 1993a: 11]. ‘*Иметь в виду*’ (*to mean*), приравненное к ‘намереваться’ (*to intend*), означает у Грайса:

- когнитивную локализацию значения,
- интендирование, ‘вкладывание’ в слова индивидуального смысла, дополняющего буквальное значение сказанного.

Так Г.П. Грайс разграничивает «то, что говорится» (*what is said*) и «то, что имплицатируется» (*what is implicated*). При этом оба смысла является пропозициональным и обозначаемым соответственно *p* и *q*. А «то, что имплицатируется» основывается на «том, что говорится», поскольку «существует обязательная, хотя и не непосредственная связь между тем, что люди имеют в виду, или намереваются сказать, когда говорят, и тем, что конвенционально считается смыслом используемых ими слов» [Лайонз 2003: 21]. Эту идею Г.П. Грайса развил Дж.Р. Серль в своем принципе выразимости: “*whatever can be meant can be said*” – «все, что имеется в виду, может быть выражено словами» [Searle 1969: 32]. Этот принцип представляет собой попытку «объяснить имплицитное значение при помощи эксплицитного» [Wagner F. 2001: 70] (ср. мысль М.В. Никитина о так называемом

семиоимпликационном значении – импликационные значения, базой для которых является знаковая деятельность, речь [Никитин 1996: 27]).

По словам В.П. Алстона, «то, что говорящий имеет в виду (*means*), произнося высказывание, является функцией того, какое воздействие говорящий намеревается произвести на слушающего посредством того, что слушающий распознает это намерение. Значение предложения является приблизительной функцией того, какое воздействие обычно производится высказыванием этого предложения» [Alston 1994: 34]. Именно в стремлении оказать воздействие на адресата, проявляющемся в ментальном состоянии интенции адресанта, и состоит когнитивная сущность теории значения Г.П. Грайса [Preyer 1997: 98].

Таким образом, Г.П. Грайс выделил в прагматическом значении (смысле) эксплицитный и имплицитный компоненты. По определению Б. Мюллера, **эксплицитность** – «признак сигнификата, связанного непосредственно с денотатом, когда из никакого другого признака не может быть логически выведен тот же сигнификат», а **имплицитность** – признак сигнификата, привязанного к денотату опосредованно, «когда эта связь с другими словами передается посредством логической зависимости эксплицитным признаком значения» [Müller 2003: 89]. Иначе говоря, эксплицитный смысл наличествует, если денотат и сигнификат совпадают, имплицитный смысл – если денотат и сигнификат не совпадают. Отсюда вывод, что имплицитными можно назвать только смыслы, но не значения (ср. аналогичную мысль Т.И. Сильман о так называемом “подсмысле” [Сильман 1969: 88]).

Развитие идеи когнитивности значения Г.П. Грайса находим в теории прагматического значения высказывания М. Бирвиша [Bierwisch 1979]. В целом, обе теории репрезентуют соположимые типы значения. Однако теория М. Бирвиша противостоит Грайсовой в том смысле, что он подчеркивает ее когнитивные основы. Проводя границу между языковыми явлениями и элементами коммуникативной сферы, М. Бирвиш исходит из того, что в процессе производства и интерпретации высказываний актуализируются три различных типа интеллектуальной деятельности, называемые когнитивными системами:

- система *G* (*Grammatik*) охватывает внутреннюю грамматику коммуниканта и позволяет ему постигать буквальное значение (*sprachlich determinierte Bedeutung*);
- система *K* (*Kognition*) охватывает повседневные знания коммуниканта и дает ему возможность вовлекать в производство или интерпретацию языковых единиц контекст, на основании чего он постигает значение в контексте (*Äußerungsbedeutung im Aktualisierungskontext*);
- система *I* (*Interaktion*) предполагает способность коммуникантов производить и интерпретировать интериндивидуальные действия, на основе чего они могут постигать коммуникативный смысл (*kommunikativer Sinn im Interaktionskontext*) [там же: 121].

Выделение этих систем позволяет М. Бирвишу провести различие между языком и коммуникацией: первый вид значения он относит к сфере языка, второй – к сфере мышления, третий – к сфере социальной интеракции, т.е. дискурса.

Приравнивая прагматическое значение к речеактовому смыслу, целесообразно выделять в нем по способу выражения эксплицитный и имплицитный смысл.

5. Классификация речеактовых смыслов по способу выражения.

Опираясь на прагматические теории значения Г.П. Грайса [Grice 1993a] и М. Бирвиша [Bierwisch 1979], в речевом акте различаем эксплицитный и имплицитный смысл, в последнем выделяем конвенционализированный и имплицитивный (см. рис. 1.1).

Эксплицитный смысл соответствует конвенциональному значению Г.П. Грайса и буквальному значению М. Бирвиша, он конвенционально закреплен в виде конфигурации значений за высказываниями конкретного языка.

Конвенционализированный имплицитный смысл соответствует прикладному конвенциональному значению Г.П. Грайса и значению в контексте М. Бирвиша, этот смысл является имплицитным, поскольку распознается только в контексте, но форма высказывания, с помощью которой реализуется такой смысл, дает основания предположить возможные контекстуально зависимые смыслы. Рассмотрим следующие дискурсивные фрагменты:

(1) Felix: *Und wo ist Brunos Vater jetzt?*

Adrian: *In einem Altersheim. Natürlich vom Feinsten. <...>*

Maja: *Wie nobel von Bruno.*

Felix: *Vielleicht zahlt der Alte ja selbst.*

Adrian: *Bestimmt nicht.*

Felix: *Und warum nicht?*

Adrian: *Weil er kein Geld hat. (H. Schertenleib: Radio Kaschmir, S. 351)*

(2) Im Fernseher wird eben der Schluß des Beitrages über den Bombenanschlag in Kaschmir gezeigt. <...>

Corinna: *Diese Scheißamis.*

<...>

Bruno: *Hätten sie etwa einfach abwarten sollen, bis diese Scheißmuslims das Weiße Haus bombardieren?*

Viola: *Warum nicht.*

Bruno: *Schwachsinn. (H. Schertenleib: Radio Kaschmir, S. 352)*

Данные диалоги иллюстрируют употребление высказывания *Warum nicht?* в двух разных дискурсивных контекстах. В первом случае оно служит для реализации речевого акта квеситива, который имеет эксплицитные смыслы. А в диалоге (2) наблюдаем конвенционализированный имплицитный смысл – ассертив-несогласие, выраженный при помощи конвенционализированного

риторического вопроса *Warum nicht? / Почему нет?*. Конвенционализированным этот смысл является потому, что он зафиксирован в словарях [Duden 2003: 1779]. Но именно возможность употребления этого высказывания для выражения эксплицитного смысла (1) говорит в пользу того, что его смысл в диалоге (2) является имплицитным.

авторы	Типы значения/смысла		
Г. Пол Грайс [Grice 1993a, Grice 1993b]	конвенциональное значение (<i>what is said</i>)	прикладное конвенциональное значение (в контексте)	ситуативное значение говорящего (<i>what is implicated</i>)
	прагматическое значение (<i>meaning NN</i>)		
Манфред Бирвиш [Bierwisch 1979]	буквальное значение (<i>sprachlich determinierte Bedeutung im Nullkontext</i>)	значение в контексте (<i>Äußerungsbedeutung im Aktualisierungskontext</i>)	коммуникативный смысл (<i>kommunikativer Sinn im Interaktionskontext</i>)
данная работа		конвенционализированный смысл	имплицитивный смысл
	эксплицитный смысл	имплицитный смысл	
	речеактовый смысл		

Рис. 1.1. Типы прагматического значения / речеактового смысла

Таким образом, разграничивая эксплицитные и имплицитные речеактовые смыслы, мы опираемся на контекстуальный критерий за Д. Вундерлихом: “смысл высказывания является эксплицитным, если он однозначно распознается в нейтральном контексте, смысл высказывания является имплицитным, если для его интерпретации необходим более широкий контекст” [Wunderlich 1980: 298].

Имплицитивный смысл соответствует ситуативному значению говорящего Г.П. Грайса и коммуникативному смыслу М. Бирвиша, он является полностью окказиональным, авторским, не зафиксированным словарями, например:

(3) Rauch: *Adjeu. Zum Sanitäter: Wo liegt er denn, der Herr Landgerichtsdirektor?
Noch da drinnen? (+>Bringen Sie ihn in die Sanitätsbaracke!)*

Der Sanitäter: Zu Befehl, Herr Kommerzienrat! (Ö. von Horváth: *Kasimir und Karoline*, S. 223)

Подчеркнутое высказывание служит для реализации речевого акта, смыслы которого являются имплицативными в виду того, что они вытекают только из дискурсивного контекста: после праздника пива (*Oktoberfest*) адресант, спрашивая санитаря, где находится пьяный директор суда, этим самым приказывает ему отнести того в барак; санитар реагирует именно на имплицитный смысл. Такой речевой акт мы формально обозначаем $Q(p)+>Q(p)\&D(q)$, где слева от знака $+>$ (дискурсивно имплицатирует, интендирует) формализован эксплицитный смысл высказывания, справа – его интендированный имплицативный смысл, в этом случае: при помощи эксплицитного квеситива с пропозицией p конструируется имплицитный директив с пропозицией q).

Разделение речеактового смысла по способу выражения на эксплицитный и имплицитный может пересекаться с его разделением в соответствии с компонентами речевого акта, т.е. компоненты речеактового смысла – пропозициональный, иллокутивный и перлокутивный смыслы, могут быть выражены эксплицитно или имплицитно.

Рассмотренные дихотомии позволяют утверждать, что прагмалингвистика изучает смыслы высказываний и речевых актов. Смысл как продукт конструирования структуры мира коммуникантами образуется в речи в результате актуализации значения. Единицы речи – речевой акт и высказывание (процесс и продукт речевой деятельности) – обладают не значениями, а смыслами.

Речеактовый смысл может быть выражен эксплицитно и имплицитно. Эксплицитные речеактовые смыслы конвенционально закреплены в виде конфигурации значений за высказываниями конкретного языка.

Имплицитные речеактовые смыслы представлены конвенционализированными и имплицативными. Конвенционализированный имплицитный смысл зафиксирован словарями, но распознается только в контексте. Имплицативный смысл является полностью окказиональным, авторским, не зафиксированным словарями.

Перспективным является углубленное изучение конвенционализированных и имплицативных смыслов, в частности, их пропозиционального, иллокутивного и перлокутивного компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные вопросы семантики / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.

2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова ; изд. 4-е, стереотипное. – М. : Эдиториал УРСС, 2005. – 384 с.
3. Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 3–42.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 416 с.
5. Бессонов А.В. Фрегевская концептуализация логико-семантической теории / А.В. Бессонов // Концептуализация и смысл. – Новосибирск : Наука, 1990. – С. 20–30.
6. Богин Г.И. Типология понимания текста / Г.И. Богин. – Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1986. – 87 с.
7. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика / Н.Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. – 123 с.
8. Вайнрих Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих // Язык и моделирование социального взаимодействия : переводы ; общ. ред. В.В. Петрова. – М. : Прогресс, 1987. – С. 44–87.
9. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Собрание сочинений в 6 томах. – Т. 2. – М. : Педагогика, 1982. – 504 с.
10. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 376 с.
11. Жаналина Л.К. Языковое значение и смысл / Л.К. Жаналина // Семантика языковых единиц : доклады V междунар. конф. – М., 1996. – С. 14–15.
12. Залевская А.А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды / А.А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
13. Звегинцев В.А. Проблема «значения» в современном зарубежном языкознании / В.А. Звегинцев // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1962. – Вып. 2. – С. 9–16.
14. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория / В.А. Звегинцев ; изд. 2-е, стереотипное. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 248 с.
15. Зимняя И.А. Вербальное мышление (психологический аспект) / И.А. Зимняя // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М. : Наука, 1985. – С. 72–85.
16. Кобозева И.М. «Смысл» и «значение» в «наивной семиотике» / И.М. Кобозева // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М. : Наука, 1991. – С. 183–186.
17. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева ; изд. 3-е, стереот. – М. : Эдиториал УРСС, 2007. – 352 с.
18. Козловський В.В. Семантичний і прагматичний аспекти речення (на матеріалі сучасної німецької мови) / В.В. Козловський // Проблеми загального, германського та слов'янського мовознавства. – Чернівці : Книги – ХХІ, 2008. – С. 323–326.

19. Кравец А.С. Топологическая структура смысла / А.С. Кравец // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – С. 17–25.
20. Кравченко А.В. Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания / А.В. Кравченко // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 3–12.
21. Кравченко А.В. Что такое коммуникация? / А.В. Кравченко // Непрямая коммуникация. – Саратов : Колледж, 2003. – С. 27–39.
22. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф ; пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
23. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение / Дж. Лайонз ; пер. с англ. В.В. Морозова и И.Б. Шатуновского; под общ. ред. И.Б. Шатуновского. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
24. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А. Леонтьев ; изд. 2-е, стер. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 307 с.
25. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – М. : Изд-во МГУ, 1981. – 583 с.
26. Минкин Л.М. Номинация и референция в высказывании / Л.М. Минкин, И.С. Шевченко // Вісник Харків. нац. ун-у імені В.Н. Каразіна. – 2005. – № 667. – С. 3–10.
27. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М. : Высшая школа, 1988. – 168 с.
28. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб. : Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
29. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е.В. Падучева ; изд. 3-е, стереотипное. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 288 с.
30. Панина Н.А. Имплицитность языкового выражения и ее типы / Н.А. Панина // Значение и смысл речевых образований. – Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1979. – С. 48–59.
31. Сильман Т.И. Подтекст как лингвистическое явление / Т.И. Сильман // Филологические науки. – 1969. – № 1. – С. 84–89.
32. Сусов И.П. Семиотика и лингвистическая прагматика / И.П. Сусов // Язык, дискурс и личность. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 1990. – С. 125–133.
33. Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации / Е.Ф. Тарасов // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – М. : Наука, 1979. – С. 15–147.
34. Цурикова Л.В. Межкультурное взаимодействие с позиций когнитивно-дискурсивного подхода / Л.В. Цурикова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 1 (007). – С. 5–15.

35. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях / А. Ченки // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68–78.
36. Alston W.P. Illocutionary acts and linguistic meaning / W.P. Alston // Foundations of Speech Act theory. – London, N.Y. : Routledge, 1994. – P. 29–49.
37. Austin J.L. How to do things with words / J.L. Austin. – Cambridge/Mass. : Harvard Univ. Press, 1962. – 166 p.
38. Becker W. Wahrheit und sprachliche Handlung: Untersuchungen zur sprachphilosophischen Wahrheitstheorie / W. Becker. – München, Freiburg : Alber, 1988. – 361 S.
39. Bierwisch M. Wörtliche Bedeutung – eine pragmatische Gretchenfrage / M. Bierwisch // Sprechakttheorie und Semantik. – Fr./M. : Suhrkamp, 1979. – S. 119–148.
40. Burkhardt A. Der Sprechakt als kooperative Anstrengung / A. Burkhardt // Kommunikation und Kooperation. – Tübingen, 1987. – S. 185–215.
41. Carnap R. Bedeutung und Notwendigkeit: Eine Studie zur Semantik und modernen Logik / R. Carnap ; üb. von W. Bader. – Wien, N.Y. : Springer, 1972. – 325 S.
42. Croft W. Cognitive Linguistics / W. Croft, D.A. Cruse. – Cambridge et al. : Cambridge Univ. Press, 2004. – XV, 356 p.
43. Duden. Universalwörterbuch / Duden ; 5., überarb. Aufl. – Mannheim et al. : Dudenverl., 2003. – 1892 S.
44. Frege G. Über Sinn und Bedeutung / G. Frege // ders. Funktion, Begriff, Bedeutung. – Göttingen, Vandenhoeck, 1980. – S. 40–65.
45. Grice H.P. Intendieren, Meinen, Bedeuten / H.P. Grice // Handlung, Kommunikation, Bedeutung. – Fr./M. : Suhrkamp, 1993a. – S. 2–15.
46. Grice H.P. Sprecher-Bedeutung, Satz-Bedeutung und Wort-Bedeutung / H.P. Grice // Handlung, Kommunikation, Bedeutung. – Fr./M. : Suhrkamp, 1993b. – S. 85–111.
47. Hermanns F. Sprechkrafttheorie: Zu einem Fall von Sprachmagie in der Sprachwissenschaft / F. Hermanns // Grazer Linguistische Studien. – 1985. – Heft 23.– S. 35–63.
48. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar : In 2 Vol / R.W. Langacker. – Stanford : Stanford Univ. Press, 1987. – Vol. 1 : Theoretical Prerequisites. – 540 p.
49. Müller B.L. Der Sprechakt als Satzbedeutung: Zur pragmatischen Grundform der natürlichen Sprache / B.L. Müller. – Bern et al. : Lang, 2003. – 359 S.
50. Preyer G. Kognitive Semantik – Sprechaktsemantik / G. Preyer // Intention – Bedeutung – Kommunikation. – Opladen : Westdeutscher Verl., 1997. – S. 74–138.
51. Rolf E. Sagen und Meinen / E. Rolf. – Opladen : Westdeutscher Verl., 1994. – 269 S.

52. Schwarz M. Semantik. Ein Arbeitsbuch / M. Schwarz, J. Chur. – Tübingen : Narr, 1996. – 223 S.
53. Searle J.R. Speech Acts / J.R. Searle. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1969. – 206 p.
54. Searle J.R. Meaning, Communication, and Representation / J.R. Searle // Philosophical Grounds of Rationality: Intentions, Categories, and Ends. – Oxford : Clarendon Press, 1986. – P. 209–226.
55. Sgall P. Towards a pragmatically based theory of meaning / P. Sgall // Speech act theory and pragmatics. – Dordrecht : Reidel, 1980. – P. 233–246.
56. Vanparys J. Categories and Complements of Illocutionary Verbs in a Cognitive Perspektive / J. Vanparys. – Fr./M. : Lang, 1996. – 249 S.
57. Wagner F. Implizite sprachliche Diskriminierung als Sprechakt / F. Wagner. – Tübingen : Narr, 2001. – 180 S.
58. Wagner K.R. Pragmatik der deutschen Sprache / K.R. Wagner. – Fr./M. : Lang, 2001. – 495 S.
59. Wunderlich D. On problems of speech act theory / D. Wunderlich // Basic Problems in Methodology and Linguistics. – Dordrecht : Reidel, 1977. – P. 243–258.
60. Wunderlich D. Methodological remarks on speech act theory / D. Wunderlich // Speech act theory and pragmatics. – Dordrecht : Reidel, 1980. – P. 291–312.
61. Wunderlich D. Arbeitsbuch Semantik / D. Wunderlich ; 2., erg. Aufl. – Fr./M. : Hain, 1991. – 368 S.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Horváth Ö. v. Kasimir und Karoline. Ein Volksstück / Ödon von Horváth // Spectaculum 8. – Fr./M. : Suhrkamp, 1965. – S. 181–230.
2. Schertenleib H. Radio Kaschmir / Hansjörg Schertenleib // Theater, Theater: Aktuelle Stücke 12. – Fr./M. : Fischer, 2002. – S. 311–364.

Лилия Ростиславовна Безуглая, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: bezugla@daad-alumni.de